

Два эпизода из жизни Л. ТОЛСТОГО

I. ЕХАЛ ПОДПОРУЧИК НА ВОЙНУ

В ПОСЛЕДНИЙ день октября 1854 года двадцатилетний артиллерийский офицер — еще и двух месяцев не прошло, как произведен в подпоручики, — выехал из Кишинева, где служил в штабе Дунайской армии. Был он в хорошем настроении и, пригладив короткие усы и модные бакенбарды, с понятным нетерпением поглядывал по сторонам: казалось, экипаж движется слишком медленно по осенним молдавским дорогам. Во всяком случае, мысли и желания офицера намного обогнали лошадей.

Путник имел основания быть в хорошем расположении духа. Он знал, что в одном из ближайших номеров «Современника» — лучшего журнала России того времени — будет опубликована его новая повесть «Отрочество», подписанная инициалами «Л. Н. Т.». Об этом сообщил не так давно редактор Николай Алексеевич Некрасов. Одновременно он выслал автору журналы с «Детством» и «Набегом». А о новой повести отзывался очень лестно, так и написал: «талант автора «Отрочества» самобытен и симпатичен в высшей степени». Такая высокая оценка поднимала дух, придавала новые силы, поощряла к продолжению литературных занятий.

Это, конечно, приятно, это льстит самолюбию, но главная причина его необычного, несколько азартного нетерпения в том, что, наконец, удовлетворен его повторный рапорт о переводе в Крым, где решаются судьбы родины, и он едет в настоящее дело. Вот уже больше года длится война, причиной которой явилось столкновение экономических и политических интересов России, Англии, Франции и Турции на Ближнем Востоке. Для Толстого война с Турцией имела свое оправдание: на смотре порядком на бесмысленные жестокости турецких войск в Болгарии. В оставленные русскими и поэту беззащитные селения врываются турки и, кроме молодых женщин, годившихся в гарем, вырезали всех поголовно.

Когда боевые действия перекинулись на территорию России и союзнические войска высадились около Евпатории, война, развязанная правящими кругами враждующих держав, для русского народа приобрела характер защитный. Высадка противника не давала покоя Толстому. Он из Кишинева просился в Крым — части для того, чтобы видеть эту войну, как позже признавался в письме к брату Сергею Николаевичу, а больше всего — из патриотизма. А тут еще скорбная весть — в Инкерманском сражении убит штаб-капитан И. К. Комстадиус, товарищ по службе и единомышленник во взглядах:

его смерть более всего побудила проситься в Севастополь.

И вот его рапорт — второй по счету — удовлетворен. Перевод получен. Вперед — Севастополь, где, по его разумению, все висит на волоске.

Уже в Одессе, куда прибыл 2 ноября, ощутил жестокое дыхание войны. Веселый портовый город притих и замер. На рейде стояли неприятельские корабли. В стенах домов виднелись то тут, то там пробоины от вражеских ядер. Одно из них отбило часть гранита от подножия памятника Ришелье — одесситы заменили ее бронзовым ядром.

У всех на устах одно — крымские события. Рассказывали об Альминском сражении, где русские потерпели поражение, об удачной нашей атаке 13 сентября и еще более ужасном, чем альминское, последующем поражении. Говорили о бездарности царских генералов, о геройстве простых солдат.

Не желая задерживаться в Одессе, Толстой 3 ноября через Дофиновку выехал на Николаев. Этот корабельный город, заложенный за несколько десятков миль от моря на берегах Буга и Ингула, не мог видеть, подобно Одессе, вражеских судов. Война сюда докатилась только в слухах. На переправе через Буг лоцман рассказывал свежие новости. Будто бы в последнем бою у нас были большие потери — из 8 тысяч воротились только 2 тысячи. Говорят, ранен Нахимов. Правда ли? Кто знает...

Но легенда, рассказанная лоцманом про казака, который поймал арканом «аглицкого князька» и вел к главнокомандующему князю Меншикову, понравилась Толстому. Он записал ее в дневник.

«Князек выпалил в казака из пистоля. Ей, не стреляя, сказал казак. Князек еще раз выпалил и опять не попал. Ей, не балуй, сказал казак. Князек в третий раз (всегда до трех раз) промахнулся. Казак начал его лупить плетью. Когда князек пожаловался Меншикову, что казак его бил, казак сказал, что он его учил стрелять, коли он начальник, да не умеет палить, что же, его казаки вовсе не будут знать. Менчиков рассмеялся...»

В Николаеве Толстой тоже не задержался — только переменяли лошадей, сразу же выехал в Херсон. Уже за Херсоном, в дневнике под датой 4, 5 ноября заметил: «В Николаеве не мог ничего видеть. Слухи же не пишу, потому что оказались все нелепы...» И тут же записал поразивший его рассказ:

«От Херсона до Олешков (Алешки, ныне Цюрупинск) везли меня на лодке. Лоцман рассказывал про перевоз сол-

дат: как солдат в проливной дождь лег на мокрое дно лодки и заснул. Как офицер прибил солдата за то, что он почесался, и как солдат на перевозе застрелился со страху, что просрочил два дня, и как его бросили без похорон».

Несколько позже, весной 1856 года в Петербурге он, вероятно, вспомнит и эти рассказы, и другие, а также увиденное собственными глазами, когда возьмет перо, чтобы приняться «за серьезную работу о военных наказаниях». Убежденный гуманист, он будет останавливать моральные факторы воспитания, с глубоким возмущением выступит против широко применявшихся в России физических наказаний. И впоследствии он не раз будет возвращаться к этой теме, раскроет ее в рассказах «За что?», «После бала», с негодованием восстанет против телесных наказаний в памфлете «Николай Палкин», в статье «Стыдно!»

Но это позже. Тогда же, по дороге в Крым, он слушал, наблюдал, записывал. Говорили о многом: о больших наших потерях, о бесстрашии русского солдата.

Седьмого ноября — одну лишь неделю занял трудный переезд из Молдавии через Балту, Одессу, Николаев, Херсон, Перекоп, Бахчисарай по размытым осенними дождями, забитым военными обозами дорогам, — подпоручик Лев Толстой прибыл в Севастополь. Город поразил его: здесь решалась судьба России, и героизм защитников Севастополя был массовым. В письме к брату Сергею Николаевичу он взволнованно делился первыми впечатлениями:

«Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько героизма. Корнилов, объезжая войска, вместо «Здорово, ребята!» говорил: «Нужно умирать, ребята, умрете?» — и войска кричали: «Умрем, ваше превосходительство! Ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а за правду, и уже 22000 исполнили это обещание».

Но очень скоро, через какую-нибудь неделю после отъезда к месту службы в деревню (ныне с. Лазовое), ближе присмотревшись к порядкам, точнее — беспорядкам, царившим в армии, увидев «бездарность генералов, отсталость армейского управления, Толстой более трезво начинает оценивать обстановку. Он видит «грустное положение — и войска и государства», подспудно чувствует необходимость перемен: «Россия или должна пасть или совершенно преобразоваться». Здесь он услышал сатирическую песню о наших военных неудачах, которая точно передавала настроение передовых офицеров во время севастопольской эпопеи.

Песня распространялась в войсках, дописывалась коллективно, очень даже может быть — исследователи этого

не отрицают, — что и Толстой к ней руку приложил. В песне едко высмеивались князь Меншиков, царские сыновья Михаил и Николай, прибывшие в Севастополь для поднятия духа в войсках, но не участвовавшие в боевых действиях, что, впрочем, не мешало командованию представить их к наградам.

Если авторство Толстого здесь проблематично, то вторая севастопольская песня «Как четвертого числа» точно принадлежит его перу: много лет спустя, читая воспоминания одного из участников Крымской кампании, Толстой отметил на полях: «Стихотворений никаких, кроме песни «Как четвертого числа», не сочинял». В ней под остро сатирическим углом отражена неудача русских войск 4 августа 1856 года в сражении у Черной речки, в котором принимал участие и Толстой.

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать,—

начинается песня. Сражение не было подготовлено, здесь полностью проявилась неспособность командования управлять войсками. И хотя перед наступлением «собирались на советы все большие эполеты», «долго думали, гадали, топографы все писали на большом листу», в действительности вышло, что

Гладко писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

«Все большие эполеты» в песне названы по фамилиям, некоторые имена стали нарицательными, одно из них использовал В. И. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение». Разоблачая маневры меньшевиков, он писал: «...Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...»

Обе солдатские песни были впоследствии опубликованы Герценом в «Полярной звезде», обе получили огромную популярность: их знали не только в Крыму, но и в Петербурге.

Толстой-офицер увидел воочию ужасы войны; принимая участие в вылазках, будучи среди защитников легендарного 4-го бастиона, он на каждом шагу находил подтверждения мужеству и героизму простого русского солдата, о чем не раз слышал еще по дороге из Молдавии в Крым. Толстой-писатель отразил все это в своих бессмертных произведениях. «Севастопольские рассказы», пронизанные горькой правдой, согреты искренним патриотическим чувством, насыщенные пафосом торжества жизни и единения людей, оказали огромное влияние на всю русскую военную литературу.

В. АФАНАСЬЕВ.